

В. Я. СЕРГИН

Институт археологии РАН,
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: sergin81@bk.ru

СУНГИРЬ: ХАРАКТЕР ПАМЯТНИКА

АННОТАЦИЯ

Сунгирь, согласно О.Н. Бадеру, является однослойным памятником, возникшим в результате многолетнего сезонного использования одного и того же участка. Раскопки конца XX — начала XXI в. привели к пониманию Сунгирия как двуслойного или многослойного памятника. Его формирование связывают со спорадическими заселениями участка носителями одной и той же культуры на протяжении тысячелетий. Основную роль в изменении позиции исследователей сыграло участие в работах специалистов смежного профиля и получение серии радиоуглеродных датировок. С формальной точки

зрения, представляется убедительным выделение двух слоев по залеганию находок в темно-сером и сером гумусированном суглинке. Тем не менее анализ ситуации возвращает к первоначальному представлению об однослойности памятника. Культурные остатки и основные объекты сосредоточены на Сунгире в виде двух равноценных концентраций на раскопах II и III. Их окружает и разделяет значительное пространство с разреженным залеганием остатков. Концентрации являлись, по-видимому, центральными частями отдельных поселений, оставленных одной и той же группой людей.

Ключевые слова: верхний палеолит, гумусированный суглинок, стратиграфия, планиграфия, культурные остатки.

Для цитирования: Сергин В.Я. Сунгирь: характер памятника // *Camera praehistorica*. 2022. № 1 (8). С. 8–23. DOI: 10.31250/2658-3828-2022-1-8-23.

V. Y. SERGIN

Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences,
Dmitri Ulyanov ul., 19, Moscow, 117036, Russian Federation
E-mail: sergin81@bk.ru

SUNGIR: THE ESSENCE OF THE SITE

ABSTRACT

Sungir, according to O.N. Bader, is a single-level site that has emerged as a result of many years of seasonal use of the same place. Excavations at the end of the 20th – beginning of the 21st century led to the understanding of the Sungir as a two-layer or multi-layer settlement. Its formation

is associated with sporadic usage of the area by the carriers of the same culture for thousands of years. The main reason for change in the researchers' view on the site was determined by the participation in the work of specialists of an adjacent profile and the results of a series of radiocarbon dating. From a for-

mal point of view, it seems convincing to distinguish two layers according to the occurrence of finds in dark gray and gray humus loam. Nevertheless, the analysis of the data makes it possible to return to the original idea of the monolayer of the site. Cultural remains and main structural objects at excavations

II and III are concentrated in the form of two equivalent concentrations. They are separated by a significant space with a sparse occurrence of remains. This suggests that these concentrations were, apparently, the central parts of individual settlements left by the same group of people.

Key words: Upper Paleolithic, humus loam, stratigraphy, planigraphy, cultural remains.

For citation: Sergin V.Y. Sungir: the essence of the site. *Camera praehistorica*. 2022, no. 1 (8), pp. 8–23. DOI: 10.31250/2658-3828-2022-1-8-23 (in Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Длительные исследования сунгирского поселения (рис. 1) значительно обновили и обогатили представление о материальной культуре памятника. Но общее его понимание продвигалось сложнее. О.Н. Бадер рассматривал культурный слой Сунгира как результат сезонного использования людьми участка местности в течение 13–18 лет [Бадер 1984: 6]. С начала нового этапа работ в 1986 г. взгляд на памятник стал изменяться. Это происходило главным образом под влиянием геолого-стратиграфических, пыльцевых и почвенных исследований, а также серии радиоуглеродных датировок. Серый суглинок с находками над почвенно-культурным слоем был определен как верхний культурный слой. В тех случаях, когда позиция исследователей выражена яснее, памятник представлен в виде следов обитаний разной длительности, оставленных людьми одной культуры на протяжении ряда тысячелетий [Лаврушин и др. 2000: 41].

ПРОБЛЕМА МНОГОСЛОЙНОСТИ

На основании разрезов в раскопах II и III О.Н. Бадер составил обобщенное описание стратиграфии памятника. В нем представлены следующие слои:

1. Современная почва.
2. Покровные суглинки: а — красноватые суглинки столбчатой структуры, слабогумусиро-

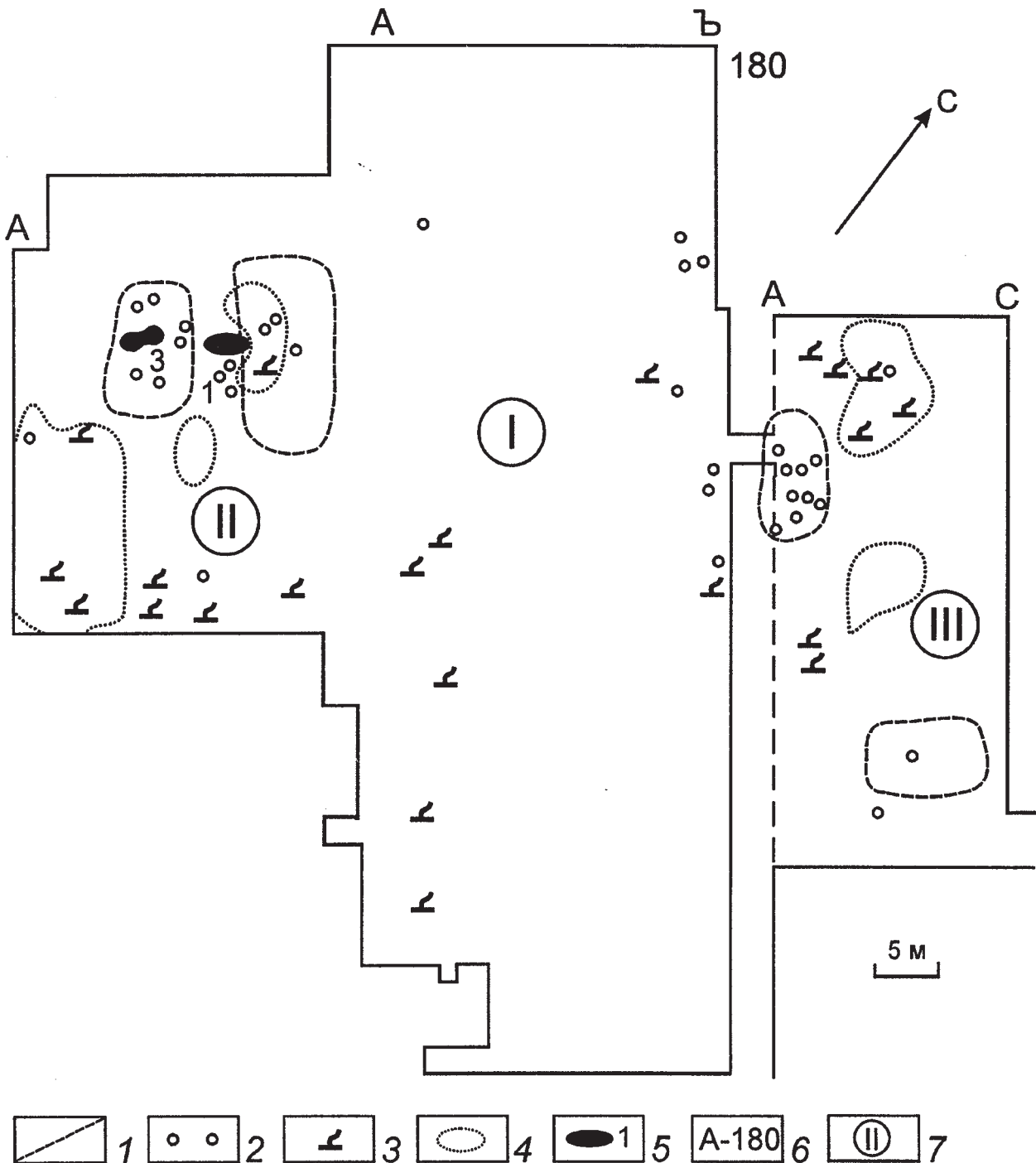
ванные; б — более светлые плотные и однородные суглинки с марганцовистыми вкраплениями; в — палево-серые, более плотные опесчаненные суглинки с горизонтальными ортзандами и известковыми стяжениями. В самом низу они затронуты солифлюкцией и содержат редкие культурные остатки. Контакты между условными горизонтами покровных суглинков нечетки и не всегда различимы, особенно между двумя последними.

3. Почвенно-культурный слой серого, местами темно-серого, почти черного цвета, опесчаненный и менее плотный, чем слой 2. Линия контакта с перекрывающим суглинком обычно нечетка и извилиста. Культурные остатки содержатся во всей толще.

4. Супесь светло-желтая, плотная, местами с тонкими четкими прослойками горизонтально залегающего песка [Бадер 1978: 29–31].

Позднее почвоведы определили слой 2в, цвет которого в пределах раскопа варьирует, как серый гумусированный суглинок, а слой 3 — как темно-серый суглинок [Гугалинская, Алифанов 1998: рис 36]. В связи с этим контраст между почвенно-культурным слоем и вышележащим суглинком уменьшился: оба подраздела явились почвенными образованиями. К этой категории был отнесен и слой 2б — светло-серый суглинок [Гугалинская, Алифанов 1998: рис 36; 2000: 43–46].

С самого начала раскопок была установлена связь культурных остатков со слоем 3 и присут-

Рис. 1. Схема раскопов (по: [Бадер, Михайлова 1998]). 1 — предполагаемые жилища; 2 — очажные углубления; 3 — кострища; 4 — скопление костей; 5 — могилы; 6 — нумерация квадратов; 7 — номера раскопов
Fig. 1. Scheme of excavations (according to: [Bader, Mikhailova 1998]). Legend: 1 — alleged dwellings; 2 — hearth depressions; 3 — fireplaces; 4 — accumulation of bones; 5 — graves; 6 — numbering of squares; 7 — numbers of excavations

ствие их также в перекрывающем суглинке 2в. В светло-желтой супеси под почвой обнаружено много очажных углублений и ям, включая могилы. В некоторых случаях верхние 12–15 см углублений находились в нетронутой солифлюкцией почве. На этом основании предполагалось, что поселение возникло, когда почвенный слой составил 15–17 см [Бадер 1998: 147].

Для установления характера распределения культурных остатков по вертикали были проведены подсчеты в раскопах II и III по горизонтам в 20 см, начиная с суглинка 2в. Учитывались квадраты, на которых культурный слой составлял не менее четырех 20-сантиметровых условных горизонтов [Бадер 1978: 38, 39, табл. 2]. Попутно выяснилось, что в суглинке 2в содержалось больше культурных остатков, чем представлялось первоначально. В раскопе II максимум находок приходился на горизонты 1 и 2, а в раскопе III — на горизонты 3 и 4 [Бадер 1978: табл. 2]. Эта разница могла быть связана с более значительным воздействием солифлюкции на несколько повышенный участок раскопа II [Бадер 1978: 39]. На горизонты 3 и 4 раскопа III приходилось более $\frac{2}{3}$ находок. В связи с этим представлялось, что культурный слой залегал над горизонтом 5, в третьей четверти ископаемой почвы [Бадер 1978: 39, рис. 20].

Однако это определение оказалось ошибочным. Как выяснила Е.Д. Каверзнева, О.Н. Бадер учитывал квадраты с мощностью культурного слоя не менее 80 см, в связи с чем из расчетов выпало около половины площади раскопа [Каверзнева 2004: 6]. По проведенной ею полной статистике, наиболее насыщенными на раскопе III оказались не горизонты 3 и 4, а 2 и 3. Порядок горизонтов по уменьшению их насыщенности культурными остатками был не 3, 4, 2, 1, 5 [Бадер 1978: табл. 2], а 2, 3, 1, 4, 5 [Каверзнева 1985: табл. IX]. В раскопе II наибольшее количество находок содержалось в горизонтах 1 и 2 [Каверзнева 1985: 42].

Положение древней поверхности в раскопах II и III устанавливалось в пределах условных горизонтов 1–3. Предположительно она соответ-

ствовала максимально насыщенному горизонту [Каверзнева 1985: 43]. На площади раскопа III древняя поверхность спускалась от уровня 1-го условного горизонта к 3-му и ниже, не доходя до 4-го. 75 % древней поверхности памятника приходилась на горизонты 2 и 3, 25 % — на горизонт 1. Культурный слой памятника отнесен к верхней половине ископаемой почвы, а его первоначальная мощность определена в пределах 40 см [Каверзнева 1985: 46].

Таким образом, по расчетам О.Н. Бадера, основная часть культурных остатков в раскопе III приходилась на нижние горизонты фиксации материалов, непосредственно над супесью с искусственными углублениями. По действительному положению остатков, установленному Е.Д. Каверзневой, основная их часть находилась в значительном отрыве от древней поверхности, что, вероятно, способствовало постановке вопроса о многослойности памятника. Но согласно обоим авторам, Сунгирь является однослойным памятником.

Основные раскопки нового периода происходили в 1986–1995 гг. [Бадер, Михайлова 1998]. Их, как и последующие работы, отличала более детализированная и точная фиксация наблюдений. В трех раскопах, заложенных с разных сторон ранее вскрытой площади (рис. 1), выявились заметные различия. В раскопе IIa, как и в профиле на раскопе I возле северной перемычки с раскопом III [Бадер 1978: рис. 22], суглинок, перекрывающий почву, имел светло-серый цвет и четко отделялся от почвы. Находки в нем были малочисленны. В раскопе III 1995 г. переход от суглинка к почве был нечетким и в целом найден лишь несколько десятков каменных изделий, косточек и углей. На раскопе II 1993 г. мощность слоя с культурными остатками не превышала 50 см. Деления на горизонты не наблюдалось, и светлый суглинок отделен условно. Разреженные культурные остатки залегали в слое до 20 см, в основном на верхнем его уровне [Бадер, Михайлова 1998: 170–188]. На северной перемычке между раскопами I и III каменные изделия были встречены в гумусовом горизонте ископаемой

почвы и в основании покровных суглинков [Гаврилов и др. 2017: 136].

К заключению о присутствии на Сунгире не одной, а двух-трех погребенных почв пришли Ю.А. Лаврушин и Е.А. Спиридонова. При этом культурные остатки, по их мнению, находились в связи не с одной, а с двумя-тремя погребенными почвами, что означало наличие на памятнике по крайней мере двух культурных горизонтов [Лаврушин, Спиридонова 1998: 216]. Исследования смежных специалистов и серия новых датировок склонили к пониманию Сунгирия как двухслойного или многослойного памятника также и археологов [Бадер, Михайлова 1998: 170; Бадер, Бадер 2000: 23; Селезнев 2008: 14–15].

Об отложении культурного слоя памятника в несколько этапов, наиболее ранний из которых был связан с нижней частью погребенной почвы, а наиболее поздний — с основанием перекрывающих суглинков, свидетельствовал проведенный К.Н. Гавриловым анализ пространственного распределения каменных орудий [Гаврилов 2004: 97–98]. Более детально возможное членение культурных отложений памятника обозначено на основе раскопок 2014, 2015 гг. Серый суглинок стратиграфической шкалы Л.А. Гугалинской и В.М. Алифанова на этом участке, как и на раскопе Па, имел светло-серый цвет. С этим суглинком связывается последний этап накопления культурного слоя. Материалы одного или нескольких предшествующих этапов накопления культурных остатков могли содержаться в верхней, а также в нижней половине серого (темно-серого по шкале) гумусированного суглинка [Гаврилов и др. 2021: 31, 32].

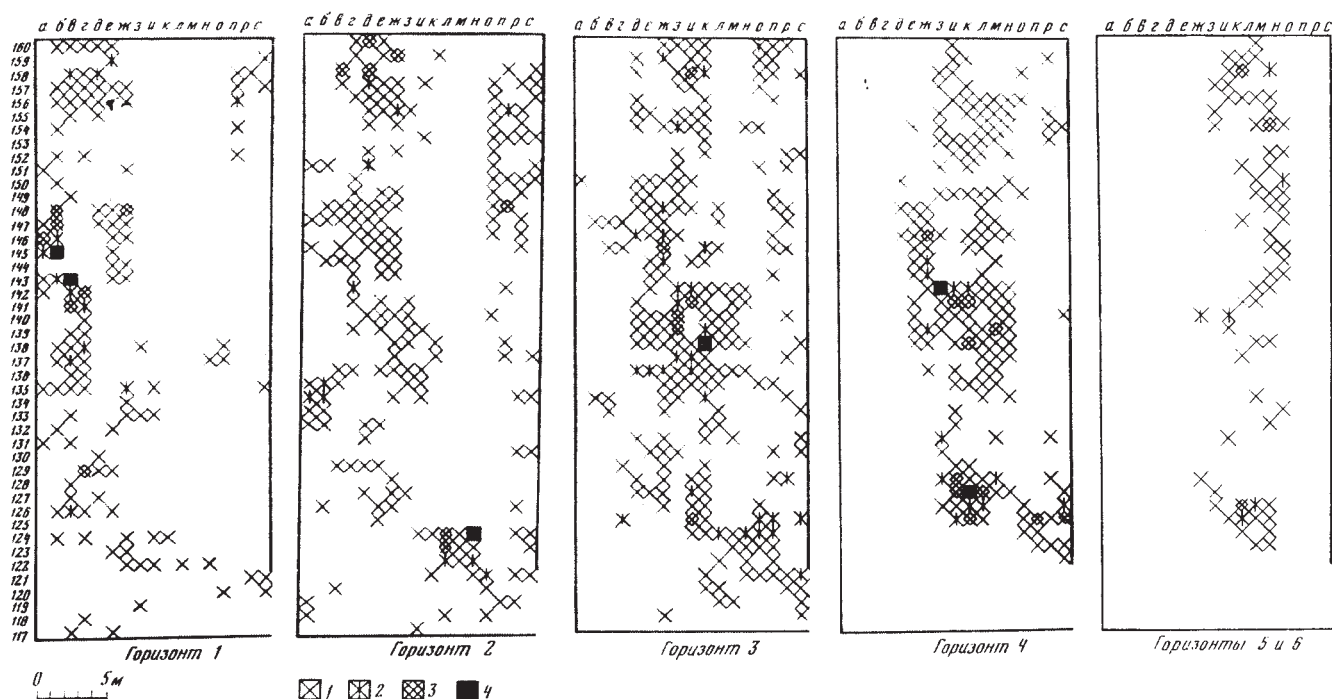
Для понимания особенностей памятника важно постепенное сужение диапазона датировок. Из их массива, имевшегося на первое десятилетие текущего века, старые даты до 26 тыс. л. н. и противоречивые даты из погребений вызывали сомнения. Количество новых определений со значениями выше 26 тыс. л. н. резко увеличилось, и 22 даты из 44 пришлись на промежуток времени от 27 до 28 тыс. л. н. [Солдатова 2014]. Однако четыре из пяти сунгирских датировок

по костям животных из шурфов 3 и 4 2014 г. оказались в диапазоне от 30 320 до 29 650 л. н. [Гаврилов и др. 2021: табл. 1]. Они вновь расширяют хронологию памятника или начинают переводить ее в другие рамки. В связи с этим едва ли может оправдаться расчет на выявление слоев, а вместе с тем и особенностей воздействия солифлюкции по новым сериям датировок костей животных Сунгирия из разных хранилищ [Soldatova 2019: e14].

По всей вероятности, мы никогда не сможем установить, характер памятника, опираясь на внешние по отношению к археологии средства. О.Н. Бадер воспринимал Сунгирь как однослойный памятник, не считая необходимым приводить какие-либо доводы. С таким же подходом рассматривала материалы памятника Е.Д. Каверзнева. Попытку обосновать представление об однослойности Сунгирия сделала Т.Е. Солдатова на основе изучения собранных на всех раскопах предметов костяной индустрии. Характер вещей и нахождение их во всех горизонтах, по ее мнению, не позволяют говорить о разновременных горизонтах культурного слоя [Солдатова 2012: 58]. Исследованный ею комплекс содержал 171 предмет из кости, бивня мамонта и рога: 38 орудий, 45 заготовок, 13 отходов производства, 63 неопределимых осколков и обломков и др. [Солдатова 2014]. Осталось нераскрытым, в чем состоит специфичность этих вещей, позволяющая относить их, а с ними и памятник, к узкому промежутку времени.

Культурный слой памятника находится в разрушенном состоянии. Разрезы, лишённые стерильных прослоек, интерпретировать сложно, и соображения о его многослойности пока основываются на отрывочных наблюдениях. Исключение составляет залегание культурных остатков в темно-сером и сером гумусированном суглинке, делающее деление культурной толщи наглядным. Пока только его и можно рассматривать.

При установлении первоначальной стратиграфии разрушенной культурной толщи основную роль могут играть планы остатков по гори-

Рис. 2. Расположение костей животных в раскопе III (по: [Каверзнева 1985]). Количество находок на м²: 1 — 1–4; 2 — 5–8; 3 — 9–12; 4 — более 12

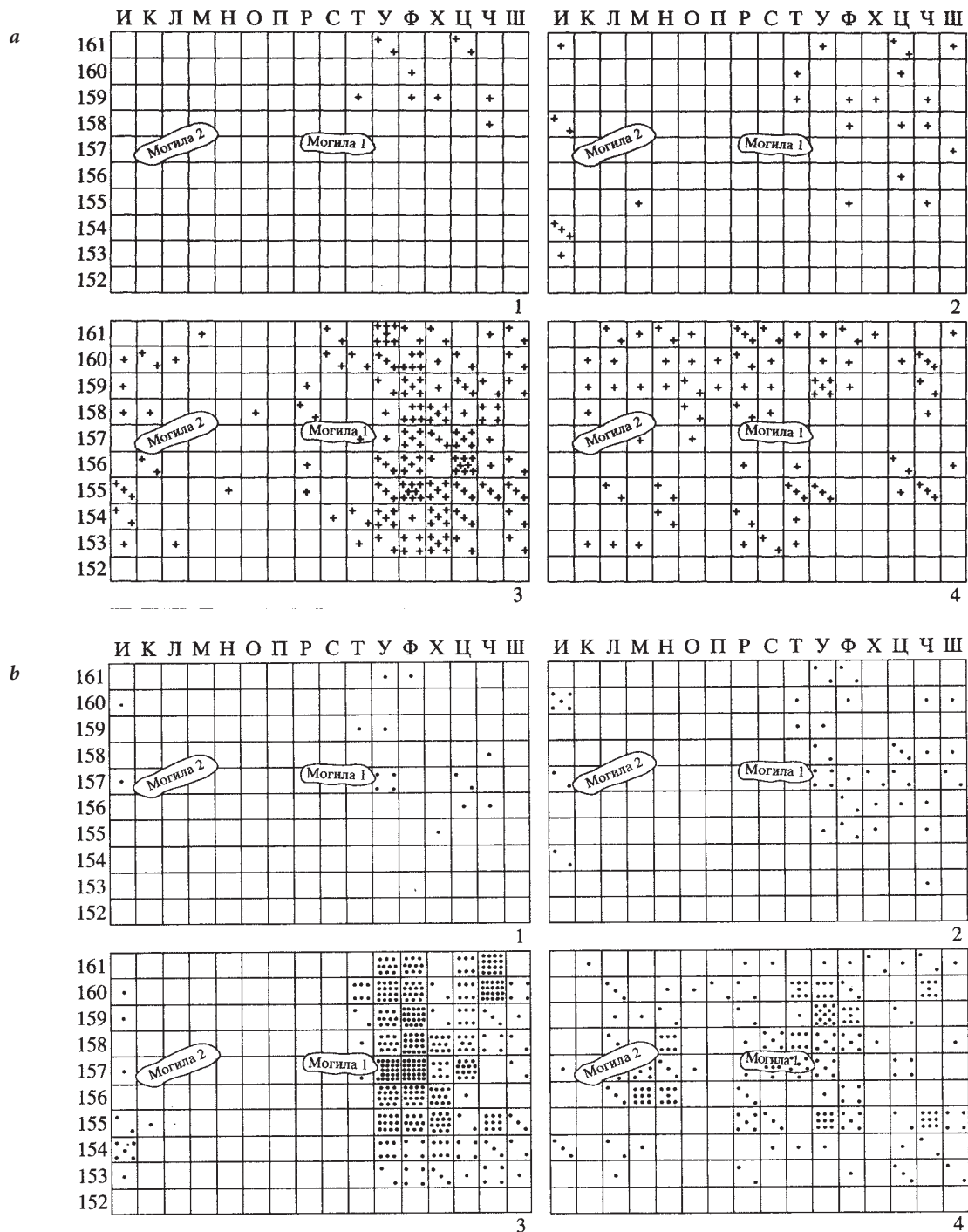
Fig. 2. Location of animal bones in excavation III (according to: [Kaverzneva 1985]). Number of artifacts per m²: 1 — 1–4; 2 — 5–8; 3 — 9–12; 4 — more than 12

зонтам, а в некоторых отношениях и общие планы. Так, можно определенно сказать, что на всей площади раскопок в местах, где обнаруживался культурный слой, в суглинке над ним также имелись культурные остатки. Раскопанная площадь слишком велика, чтобы видеть в этом случайное совпадение. Еще одна значащая деталь состоит в том, что наибольшие концентрации многих культурных остатков — изделий из кости, охры, белемнитов и остатков в целом — наблюдались там, где в суглинке под ними имелись ямы, очаги и находившиеся около них кострища — несомненные следы поселения [Бадер 1978: рис. 68–71, 78; Каверзнева 2004: рис. 3–7; Селезнев 2008: рис. 2, 8, 10, 12].

Несмотря на значительные разрушения культурной толщи Сунгирия, важные для ее анализа сведения могут быть получены по планам горизонтов на отдельных участках. В некоторых

отношениях они заменяют разрезы. Наиболее крупные из имеющихся планов касаются размещения костей животных. Они охватывают большую часть раскопа III [Каверзнева 1985: рис 1–3]. Поскольку ниже разрушенного культурного слоя определенно находились следы поселения, а под действием солифлюкции предметы поднимались вверх, рассмотрение планов естественнее начать в обратном порядке, снизу (рис. 2).

В горизонте 5 кости располагались длинной полосой шириной до 5–6 м вдоль раскопа, ближе к его северо-восточному краю. В горизонте 4 полоса расширилась к юго-западному краю. В ней сохранился насыщенный участок в юго-восточном конце и появились концентрации в центральной и восточной части, возле выступающей прирезки. В горизонте 3 центральная полоса с костями сохранилась, но приобрела

Рис. 3. Размещение культурных остатков по горизонтам (1–4) в центральной части раскопа II: а — каменные орудия; б — охра (по: [Каверзнева 2004])

Fig. 3. Position of cultural remains along horizons in the central part of excavation site II: a — stone tools; b — ochre (according to: [Kaverzneva 2004])

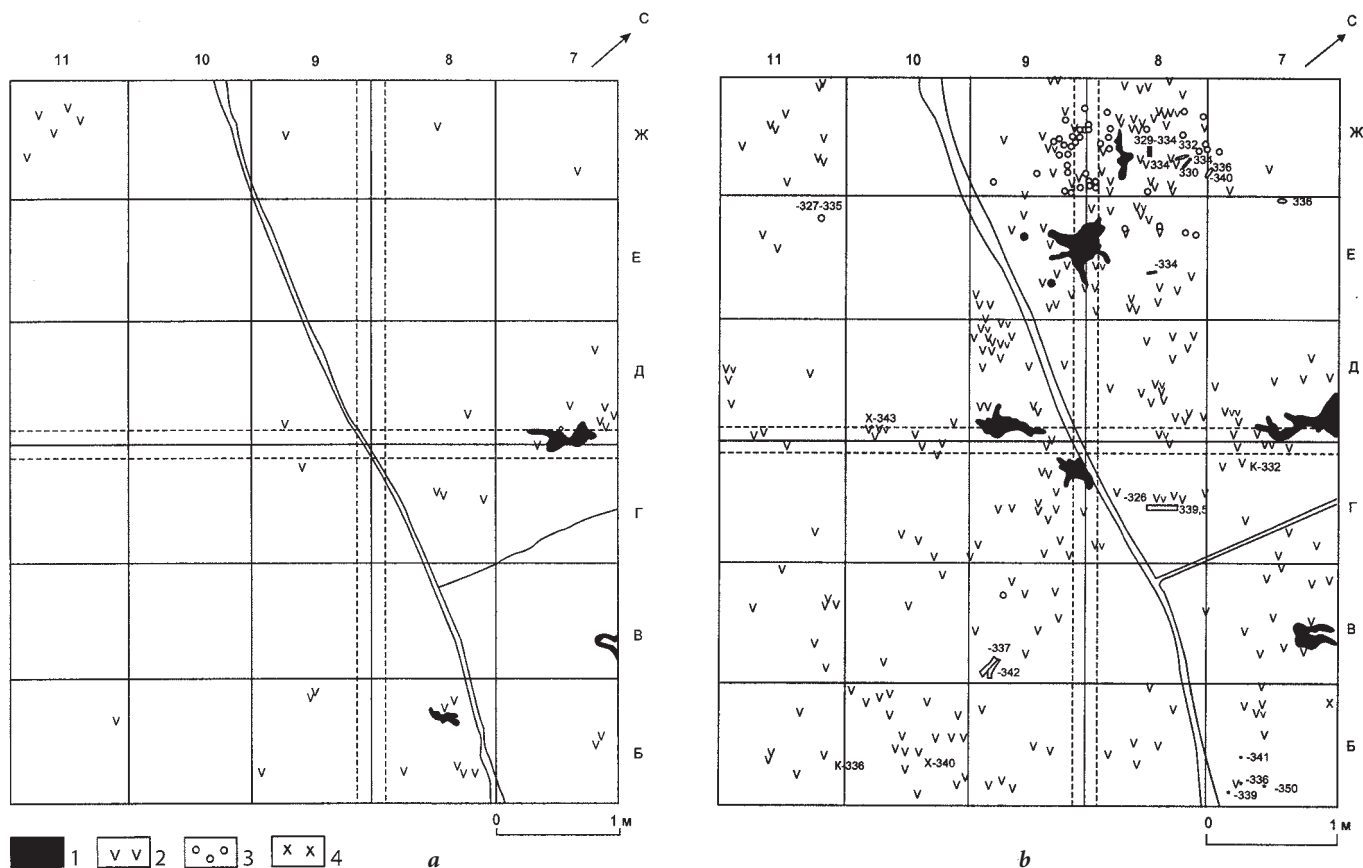
более расплывчатый вид. Не исчезло, а переместилось к юго-востоку скопление костей, находившееся посередине. Осталась заметной концентрация возле угла раскопа и прирезки, но плотность остатков на ней уменьшилась. У этого конца раскопа кости распространились до стенки. Увеличилось количество костей, появившихся в предыдущем горизонте вдоль северо-восточного края раскопа, а отдельные кости распространились до юго-западной стенки. В горизонте 2 кости, занимавшие ранее центральную полосу, сместились к юго-западной стенке, а параллельная ей полоска у противоположной стенки, наметившаяся еще в горизонте 4, усилилась. Между полосами образовалось пустое пространство. Сохранилась концентрация костей возле угла к прирезке. В горизонте 1 юго-западная полоса костей, как и в предыдущем горизонте, состоящая из отдельных скоплений, плотнее приблизилась к стенке раскопа. От юго-восточной полосы на месте максимальной концентрации остались малочисленные кости. Пустое пространство расширилось. Как и в двух предыдущих горизонтах, вдоль юго-восточной стенки и частично в прирезке все еще имелись кости.

Приведенные планы показывают, что размеры, очертания, степень насыщенности участков, занятых костями, от нижнего горизонта к верхнему значительно менялись. В то же время во всех частях раскопа хорошо заметно сохранение основы размещения костей в смежных горизонтах. Отдельные, меняющие облик участки с костями прослеживаются в трех или даже четырех горизонтах. В этой слитности и изменчивости проявляется воздействие на всю толщу культурных остатков одного и того же непрерывного процесса разрушения. Горизонты не содержат значительных участков с костями, которые выпадали бы из общей картины изменений и могли бы рассматриваться как следы внедрившегося в какой-то момент отдельного культурного слоя. Четкую связь с нижележащими имеют и скопления костей горизонта 1, представляющие собой финал общих изменений.

Рассмотрим особенности размещения кремневых орудий и охры в центральной части раскопа II. Кремневые орудия в горизонте 4 располагались разреженно, более равномерно вокруг могил (рис. 3: а). Выше, в горизонте 3, они концентрировались к северо-востоку от могилы 1 и разреженно встречались на остальной площади. В горизонте 2 концентрация орудий возле могилы 1 сократилась и сменилась разреженными вещами в северной угловой части площади. Единичные экземпляры находились юго-западнее могилы 2. В горизонте 1 в указанном углу отмечены лишь 10 орудий, а к юго-западу от могилы 2 они полностью исчезли. Особенности распространения охры были близкими к размещению кремневых орудий (рис. 3: б). Только в горизонте 3 к юго-западу от могилы 1 ее не было, а в горизонте 1 и отдельные крупинки или мазки встретились у юго-западного края участка, где кремневые орудия отсутствовали. Сходным был и характер распространения угля и крупных костей [Каверзнева 2004: рис. 3, 5]. Во всех случаях характер размещения вещей на участке от нижних горизонтов к верхним менялся единообразно. То же касается и количественной стороны изменений. Предметы из горизонта 1 входили в последовательность этих изменений, будучи заключительной их фазой.

В раскопе IIа фиксация культурных остатков велась по горизонтам в 20 см. В нижнем горизонте 8–9 темно-серого гумусированного суглинка около половины квадратов была пустой. Имелись только разрозненные угли, чаще представлявшие собой углистые вкрапления. Их было больше на квадрате Ж-11 и в целом в восточной части площади. Там же встретились растянутые углистые пятна (рис. 4: а). Горизонт 6–7 содержал значительно больше углей, но на половине квадратов они отсутствовали или были единичны. На квадрате Ж-8, 9 появилось компактное скопление мелких обломков костей животных. В разных частях раскопа найдены несколько крупных костей и несколько изделий из камня. Два из шести углистых пятен явно продолжают

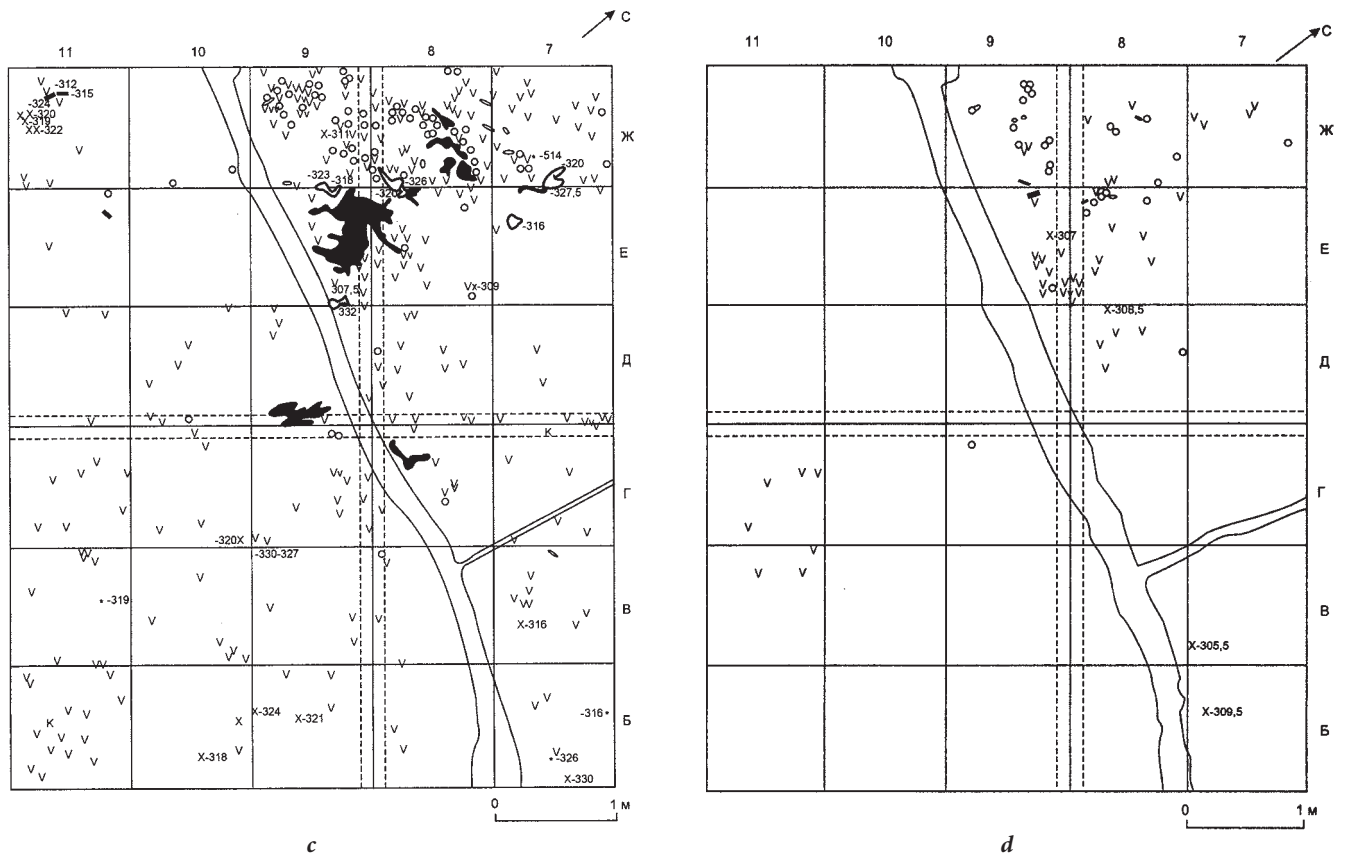
Рис. 4. Размещение культурных остатков в темно-сером суглинке раскопа Па по горизонтам: а — 8–9; б — 6–7; с — 4–5; д — 2–3. Условные обозначения: 1 — углистые пятна; 2 — угли; 3 — обломки костей; 4 — отщепы

скопления, наблюдавшиеся ниже (рис. 4: б) Вероятно, культурные остатки появились в горизонте 6–7 за счет оголения от них нижележащих участков.

Положение культурных остатков в горизонте 4–5 определенно наследует элементы картины, наблюдавшейся ниже. Перешедшие в него углистые пятна и скопление мелких обломков костей почти не изменили свое положение. Частичек угля на площади раскопа стало меньше, но квадраты с наименьшим их количеством или пустые в этих горизонтах чаще всего совпадают (рис. 4: с). Верхний горизонт 2–3 содержал еще меньше культурных остатков, чем нижний. Основная их часть, состоявшая из мелких об-

ломков костей и углей, находилась на квадрате Е, Ж-8, оканчивая концентрацию, появившуюся в горизонте 6–7 (рис. 4: д).

Вследствие деформаций на площади раскопа Па темно-серый гумусированный суглинок в виде языков глубоко, местами до верха, проник в вышележащий серый гумусированный суглинок. В связи с этим на уровне горизонтов 4–5 и 2–3 наряду с приведенными планами остатков в темно-сером суглинке составлялись и планы остатков, найденных на тех же уровнях в сером суглинке. Горизонт 4–5 содержал в сером суглинке 8 углей (рис 5: а). Семь из них находились в тех же квадратах, в которых наибольшее количество углей, а также и других культурных

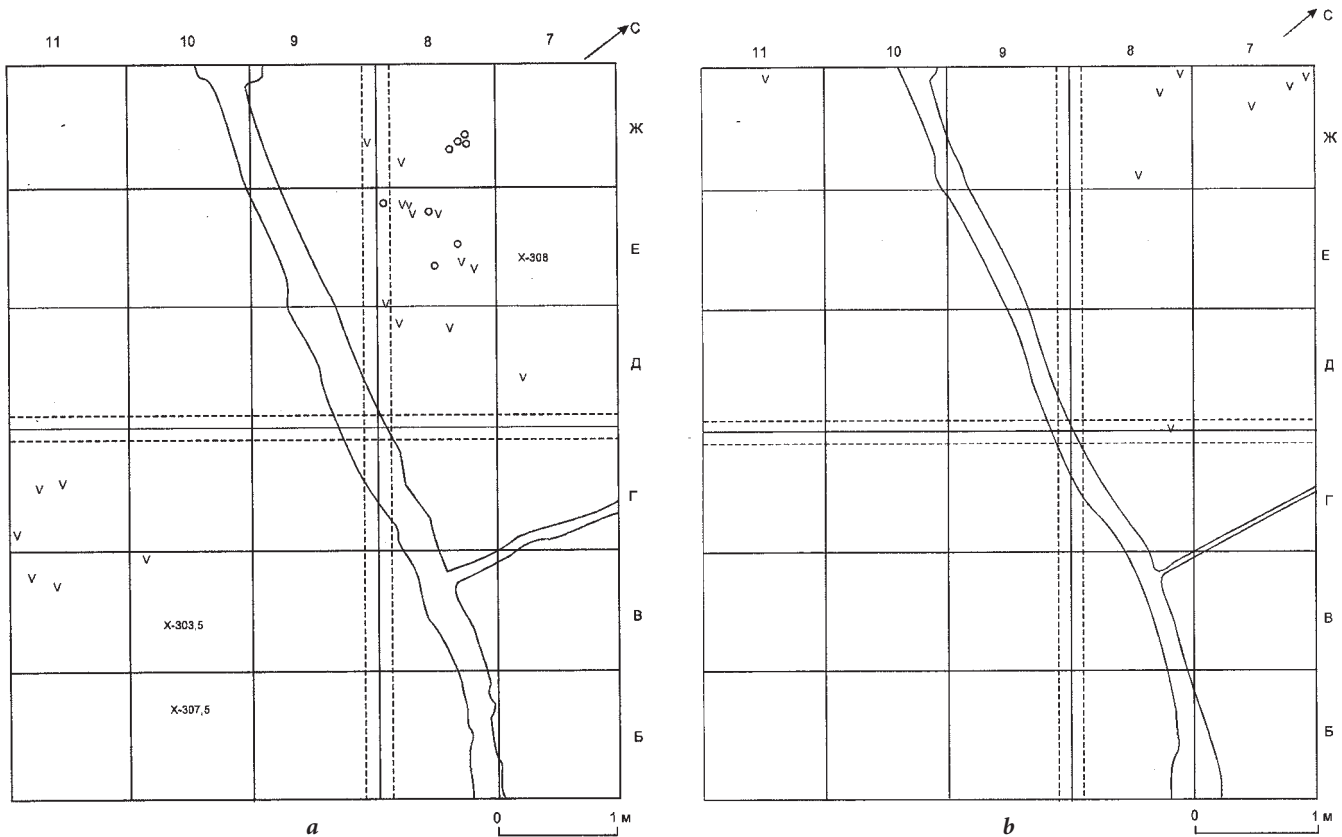

Fig. 4. Position of cultural remains in the dark gray loam of excavation IIa by horizons: a — 8-9; b — 6-7; c — 4-5; d — 2-3.
Legend: 1 — carbonaceous spots; 2 — coals; 3 — fragments of bones; 4 — flakes

остатков, содержал темно-серый суглинок того же горизонта 4-5 (рис. 4: c). В верхнем горизонте 2-3, несмотря на значительное уменьшение количества находок в темно-сером суглинке, общая планиграфическая приуроченность остатков двух одноуровневых культурных горизонтов проявилась еще более четко. Два небольших скопления углей и мелких обломков костей зафиксированы в сером суглинке (рис. 5: b) на местах, где такие же остатки в большем количестве содержал темно-серый суглинок (рис. 4: d).

Рассмотрение планов культурных остатков на разных участках Сунгиря по уровням фиксации материалов выявляет взаимосвязи каждого двух, а по отдельным деталям и трех горизон-

тов. Они проявляются в расположении и составе концентраций и рассеянных культурных остатков смежных горизонтов. Последовательное видоизменение ситуации на планах показывает, что оно отражает ход одного и того же процесса, связанного, очевидно, с разрушением культурного слоя. Нет горизонтов, в которых общий ход изменений был резко нарушен, что могло бы свидетельствовать о перерывах в использовании участка тем же населением или наличии следов нескольких сменявших друг друга поселений. Исключение должны бы составлять остатки в сером гумусированном суглинке, который принимается за отдельный культурный слой. Но и в нем по своему составу и расположе-

Рис. 5. Размещение культурных остатков в сером суглинке раскопа IIa по горизонтам: а — 4-5; б — 2-3 (по: [Бадер, Михайлова 1998]). Условные обозначения см. рис. 4

Fig. 5. Position of cultural remains in the gray loam of excavation IIa by horizons: a — 4-5; b — 2-3 (according to: [Bader, Mikhailova 1998]). Legend see fig. 4

нию остатки следуют общему ходу изменений, являясь конечным их звеном. Имеется деталь, которая прямо свидетельствует о происхождении предметов, найденных в горизонте 1, из нижних горизонтов. Это частички охры в центральной части раскопа II, поднятые из окружения могил (рис. 3: б).

О соотношении горизонта 1 раскопов II и III с нижележащими горизонтами можно судить также по каменному инвентарю. В пределах раскопа II 1957, 1963–1966 гг. (участок жилища 2, по О.Н. Бадеру) в горизонте 1 фиксировались те же пять видов каменного сырья, что и в нижележащих. При этом предметы из одного и того же сырья находились в горизонтах 1 и 2 в близкой пропорции [Селезнев 2008: табл. 6]. В раско-

пе III 1966 г. наблюдалось использование кремня восьми разновидностей. Все они были представлены и в верхнем горизонте, причем в сходном соотношении с теми же разновидностями горизонта 2 [Селезнев 2008: табл. 14]. Предметы из данного раскопа, относившиеся к первичному раскапыванию, присутствовали и в горизонте 1. При этом изделия почти всех категорий в горизонтах 1 и 2 также находились в близком соотношении [Селезнев 2008: табл. 17]. Все случаи содержат указание на нижележащие горизонты как источник формирования верхнего.

На пространстве раскопок О.Н. Бадера в сером суглинке встретилось лишь одно очажное пятно — концентрация мелких угольков в квадрате e151 раскопа II. Оно находилась в горизон-

те 1 на глубине около 17 см [Бадер 1978: 75], то есть непосредственно над темно-серым суглинком. Наблюдая в разрезах клочковатые, направленные под углом вверх, как бы всплывающие фрагменты очажной массы [Бадер 1978: рис. 22; Бадер, Михайлова 1998: рис. 7, 15], можно полагать, что и в данном случае она была захвачена тем же процессом, но поднялась несколько выше. Следы очагов и углублений в горизонте 1, несмотря на размеры занятой им площади, не встречены. Его образование не имело иного источника, кроме разрушавшегося единого культурного слоя.

СТРОЕНИЕ ПАМЯТНИКА

На первом этапе работ О.Н. Бадер, указывая на мощность и насыщенность культурного слоя в его центральной части, полагал, что на Сунгире пребывала относительно крупная группа людей. Являлось ли обитание постоянным или периодическим, было неясно, поскольку стерильные прослойки в культурном слое не обнаруживались. В поздних работах О.Н. Бадер писал, что стоянка имела временный, сезонный характер и едва ли использовалась дольше 13–18 лет [Бадер 1984: 6; 1998: 149]. По местоположению бытовых деталей он условно делил раскопанную площадь на три части, средняя из которых имела промежуточный характер. Северо-восточную часть он считал жилой, юго-западную — жилой и ритуальной. На каждой из них предполагалось наличие двух жилищ.

На раскопе I культурные остатки были малочисленны. Они состояли в основном из обломков костей животных [Бадер 1978: рис. 70]. Очажные ямы с углем и другие ямы, включающие также охру, кости, каменные предметы, плотно концентрировались на раскопе II и III и частично на прилегающих квадратах раскопа I (рис. 1). Еще несколько кострищ обнаружилось на не опубликованном О.Н. Бадером северо-восточном участке раскопа III. Была сделана попытка очертить юго-западный участок по изделиям из кости, рога и бивня. 72 изделия при-

шлись на 720 м² центральной и окраинной части [Солдатова 2012: рис. 2]. При такой малочисленности их рассеяние скорее представляет интерес само по себе. Выразительно концентрация деятельности вокруг стационарных объектов наблюдалась по охре, белемнитам [Бадер 1978: рис. 69, 78].

Сведения о количественном распределении каменных изделий по раскопам отсутствуют, но каких-либо различий в использованном сырье, его обработке и орудийном наборе не отмечено. Изделий из кости, не считая предметов в захоронениях, на раскопе III было меньше, чем на раскопе II [Солдатова 2012: 55]. На плане их распределения в работе О.Н. Бадера, вероятно, учтены и те предметы, которые связаны с захоронениями, но не попали в могилы [Бадер 1978: 100, рис. 71]. В виде выразительных концентраций и в близком количестве находились на этих раскопах обломки белемнитов [Бадер 1978: рис. 78]. Четко концентрировалась и охра. Судя по размерам участков, занятых охрой [Бадер 1978: рис. 69; Каверзнева 2004: рис. 4], масштабы ее использования в границах раскопов II и III вне связи с погребениями были сходными. Хорошо выражено и сосредоточение предметов всех категорий в целом в пределах раскопов II и III [Бадер 1978: рис 68].

Памятник, таким образом, представлял собой два участка сопоставимой площади с близким количеством объектов поселенческого обустройства и идентичным набором изделий. О.Н. Бадер не детализировал свою мысль о Сунгире как месте сезонного поселения, возобновлявшегося в течение ряда лет. Основанием для нее, вероятно, послужили обширные размеры площади с культурными остатками и значительное общее количество очагов и ям с несколькими вариантами заполнения.

Но назрело иное понимание памятника. Две его части содержат тождественные группы углубленных объектов, являвшихся центрами скопления разнообразных культурных остатков. Данные объекты, в связи с которыми должны были существовать жилища, отстоя-

ли друг от друга дальше, чем соседние жилища или жилищно-хозяйственные комплексы на палеолитических поселениях. Это — признаки наличия отдельных поселений, которые маскируются тем, что новое поселение было основано вблизи существовавшего ранее. Сведения о смертельном ранении сунгирского мужчины [Васильев и др. 2021] указывают на опасность, связанную с жизнью на Сунгире. В таких условиях отдельные части поселения не могли находиться в разбросе. Его обитателям требовалось поддерживать друг с другом непосредственную связь.

Углубленные объекты двух частей памятника в равной степени погружены в подстилающую супесь, свидетельствуя о существовании поселений в относительно близкое время. Имеется деталь, которая точнее указывает на разделяющий их хронологический промежуток — это масса разбитых на мелкие фрагменты белемнитов [Бадер 1978: рис. 78]. В отличие от таких вещей, как охра, добыче или получению которой уделялось постоянное внимание, белемниты были случайным и, должно быть, довольно малозначительным приобретением. Подобные белемнитам экзотические предметы в виде ископаемых кораллов или раковин попадались иногда первобытным людям, и присутствие на Сунгире разбитых белемнитов свидетельствует о кратком промежутке времени, разделявшем поселения. Одно поселение с обломками белемнитов было оставлено. Другое появилось, когда источник белемнитов еще не был забыт.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культурные остатки залегают на Сунгире в разрушенном солифлюкцией слое темно-серого суглинка и частично в вышележащем сером суглинке. Фиксация их в раскопках О.Н. Бадера проводилась от уровня появления первых находок по условным горизонтам, толщина которых зависела от насыщенности участка культурными остатками [Бадер 1978: 25; Каверзнева 2004: 6]. Это обстоятельство,

значительно усложняющее изучение культурной толщи, вынуждалось необходимостью экономии очень скромных средств и оправдывалось разрушенным состоянием памятника. Можно уверенно сказать, что без соответствующего ускорения раскопок они были бы прекращены до обнаружения погребений и памятник был бы заброшен. Однако наличие на Сунгире этих выдающихся свидетельств развития палеолитической культуры требует максимально детального восстановления связанного с ними бытового контекста.

В понимании памятника с конца XX в. значительную роль играют радиоуглеродные датировки и заключения смежных специалистов. Датировки, давая большой разбой при определении отрезка времени, в который входит памятник, не могут служить инструментом для его внутреннего деления. Культурные остатки может разграничивать залегание их в разных, хотя и смежных почвенных горизонтах. Но на Сунгире разрушенное состояние нижнего горизонта и в значительной степени верхнего усложняет их исследование. Проведенные выше наблюдения динамики в размещении материалов по горизонтам фиксации демонстрируют последовательное перемещение культурных остатков и трансформацию общей картины по вертикали и горизонтали, включая верхний почвенный горизонт. Их результаты возвращают к пониманию Сунгирия как однослойного памятника.

По ряду признаков Сунгирь не может рассматриваться в качестве остатков единого поселения. Стационарные объекты на раскопах II и III являются следами центральной части отдельных поселений. Вокруг них на раскопах отложилась преобладающая часть различных культурных остатков, разреженно присутствовавших на промежуточном пространстве. Поселение, следы которого фиксируются на раскопе II, может быть обозначено как Сунгирь 1, а второе поселение со следами на раскопе III — как Сунгирь 2. Остатки краевой части поселений смыкались и смешивались в пределах раскопа I.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер 1978.* Бадер О.Н. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. — М.: Наука, 1978. — 271 с.
- Бадер 1984.* Бадер О.Н. Палеолитические погребения и палеолитические находки на Сунгире // Сунгирь. Антропологическое исследование. — М.: Наука, 1984. — С. 6–13.
- Бадер 1998.* Бадер О.Н. Сунгирь. Палеолитические погребения // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (Погребения и окружающая среда). — М.: Научный мир, 1998. — С. 5–164.
- Бадер, Михайлова 1998.* Бадер Н.О., Михайлова Л.А. Культурный слой поселения Сунгирь по раскопкам 1987–1995 годов // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (Погребения и окружающая среда). — М.: Научный мир, 1998. — С. 165–188.
- Бадер, Бадер 2000.* Бадер О.Н., Бадер Н.О. Верхнепалеолитическое поселение Сунгирь // Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. — М.: Научный мир, 2000. — С. 21–29.
- Васильев и др. 2021.* Васильев С.В., Бужилова А.П., Гаврилов К.Н., Гиря Е.Ю., Корост Д.В., Кудаев А.А. Доказательная интерпретация следов повреждений, обнаруженных на лобной кости черепа мужчины из погребения Сунгирь 1 // КСИА. — 2021. — Вып. 265. — С. 7–26.
- Гаврилов 2004.* Гаврилов К.Н. Типология и пространственное распределение каменных орудий сунгирского верхнепалеолитического поселения // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Путеводитель и тезисы докладов международной конференции (Воронеж, 23–26 августа 2004 г.). — Воронеж: Истоки, 2004. — С. 97–98.
- Гаврилов и др. 2017.* Гаврилов К.Н., Лев С.Ю., Еськова Д.К., Мащенко Е.Н., Воскресенская Е.В. Раскопки Сунгирской верхнепалеолитической стоянки // Археологические открытия 2015 года. — М.: ИА РАН, 2017. — С. 135–138.
- Гаврилов и др. 2021.* Гаврилов К.Н., Воскресенская Е.В., Еськова Д.К., Лев С.Ю., Мащенко Е.Н., Панин А.В., Н. Рейнолдс. Исследование Сунгирской верхнепалеолитической стоянки в 2014–2015 гг. // Camera praehistorica. — 2021. — 2 (7). — С. 8–35.
- Гугалинская, Алифанов 1998.* Гугалинская Л.А., Алифанов В.М. Ископаемые почвы позднего плейстоцена и особенности почвообразовательного процесса по материалам поселения Сунгирь // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (Погребения и окружающая среда). — М.: Научный мир, 1998. — С. 219–239.
- Гугалинская, Алифанов 2000.* Гугалинская Л.А., Алифанов В.М. Особенности почвообразовательного процесса по материалам поселения Сунгирь // Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. — М.: Научный мир, 2000. — С. 43–48.
- Каверзнева 1985.* Каверзнева Е.Д. Стратиграфия стоянки Сунгирь по статистическим данным // Новые данные по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. — М.: ГИМ, 1985. — С. 35–47. (Труды ГИМ. Вып. 60).
- Каверзнева 2004.* Каверзнева Е.Д. Характеристика культурного слоя поселения Сунгирь с учетом мерзлотных деформаций (раскоп II) // РА. — 2004. — № 3. — С. 5–19.
- Лаврушин, Спиридонова 1998.* Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Геолого-палеоэкологические события и обстановки позднего плейстоцена в районе позднепалеолитического поселения Сунгирь // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (Погребения и окружающая среда). — М.: Научный мир, 1998. — С. 189–218.
- Лаврушин и др. 2000.* Лаврушин Ю.А., Сулержицкий Л.Д., Спиридонова Е.А. Возраст археологического памятника Сунгирь и особенности природной среды времени обитания первобытного человека // Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. — М.: Научный мир, 2000. — С. 35–42.
- Селезнев 2008.* Селезнев А.Б. Стоянка Сунгирь. Вопросы организации жилого пространства. — М.: Таус, 2008. — 80 с.
- Солдатова 2012.* Солдатова Т.Е. Планиграфическое исследование костяной индустрии верхнепалеолитической стоянки Сунгирь // РА. — 2012. — № 2. — С. 52–59.
- Солдатова 2014.* Солдатова Т.Е. Изделия из кости с верхнепалеолитической стоянки Сунгирь // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 385. — С. 122–125.
- Soldatova 2019.* Soldatova T. Spatial distribution and problems in the interpretation of radiocarbon dates of the Sungir site, Russia // Radiocarbon. — 2019. — Vol. 61. — No. 4. — P. e1–e15.

REFERENCES

- Bader, O.N., *Sungir'. Verkhnepaleoliticheskaiia stoianka* [Sungir. Upper Paleolithic Site], Moscow: Nauka Publ., 1978, 271 p., (in Russian).
- Bader, O.N., Paleoliticheskie pogrebeniia i paleoliticheskie nakhodki na Sungire [Paleolithic burials and Paleolithic finds in Sungir], in: *Sungir'. Antropologicheskoe issledovanie*, Moscow: Nauka Publ., 1984, pp. 6–13, (in Russian).
- Bader, O.N., *Sungir'. Paleoliticheskie pogrebeniia* [Sungir. Paleolithic burials], in: *Pozdnepaleoliticheskoe poselenie Sungir' (Pogrebeniia i okruzhaiushchaia sreda)*, Moscow: Nauchnyi mir Publ., 1998, pp. 5–164, (in Russian).
- Bader, O.N., Bader, N.O., Verkhnepaleoliticheskoe poselenie Sungir' [Upper Paleolithic settlement of Sungir], in: *Homo sungirensis. Verkhnepaleoliticheskii chelovek: ekologicheskie i evoliutsionnye aspekty issledovaniia*, Moscow: Nauchnyi mir Publ., 2000, pp. 21–29, (in Russian).
- Bader, N.O., Mikhailova, L.A., Kul'turnyi sloi poseleniia Sungir' po raskopkam 1987–1995 godov [Cultural layer of Sungir settlement according to 1987–1995 excavations], in: *Pozdnepaleoliticheskoe poselenie Sungir' (Pogrebeniia i okruzhaiushchaia sreda)*, Moscow: Nauchnyi mir Publ., 1998, pp. 165–188, (in Russian).
- Gavrilov, K.N., Tipologii i prostranstvennoe raspredelenie kamennykh orudii sungirskogo verkhnepaleoliticheskogo poseleniia [Typology and Spatial Distribution of Stone Tools of the Sungir Upper Paleolithic Settlement], in: *Kostenki i ranniia pora verkhnego paleolita Evrazii: obshchee i lokal'noe. Putevoditel' i tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii (Voronezh, 23–26 avgusta 2004 g.)*, Voronezh: Istoki Publ., 2004, pp. 97–98, (in Russian).
- Gavrilov, K.N., Lev, S.Iu., Es'kova, D.K., Mashchenko, E.N., Voskresenskaia, E.V., Raskopki Sungirskoi verkhnepaleoliticheskoi stoianki [Excavations of the Sungir Upper Paleolithic Site], in: *Arkheologicheskie otkrytiia 2015 goda*, Moscow: IA RAN Publ., 2017, pp. 135–138, (in Russian).
- Gavrilov, K.N., Voskresenskaia, E.V., Es'kova, D.K., Lev, S.Iu., Mashchenko, E.N., Panin, A.V., Reynolds, N., Issledovanie Sungirskoi verkhnepaleoliticheskoi stoianki v 2014–2015 gg. [The Studies on the Sungir Upper Paleolithic Site in 2014–2015], *Camera praehistorica*, 2021, no. 2 (7), pp. 8–35, (in Russian).
- Gugalinskaia, L.A., Alifanov, V.M., Iskopaemye pochvy pozdnego pleistotsena i osobennosti pochvoobrazovatel'nogo protsessa po materialam poseleniia Sungir' [Fossil Soils of the Late Pleistocene and Peculiarities of the Soil-forming Process Based on the Materials of Sungir Settlement], in: *Pozdnepaleoliticheskoe poselenie Sungir' (Pogrebeniia i okruzhaiushchaia sreda)*, Moscow: Nauchnyi mir Publ., 1998, pp. 219–239, (in Russian).
- Gugalinskaia, L.A., Alifanov, V.M., Osobennosti pochvoobrazovatel'nogo protsessa po materialam poseleniia Sungir' [Peculiarities of the Soil-forming Process Based on the Materials of Sungir Settlement], in: *Homo sungirensis. Verkhnepaleoliticheskii chelovek: ekologicheskie i evoliutsionnye aspekty issledovaniia*, Moscow: Nauchnyi mir Publ., 2000, pp. 43–48, (in Russian).
- Kaverzneva, E.D., Stratigrafiia stoianki Sungir' po statisticheskim dannym [Stratigraphy of Sungir Site According to Statistical Data], in: *Novye dannye po istorii plemen Vostochnoi Evropy v epokhu kamnia i bronzy (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia? vol. 60)*, Moscow: GIM Publ., 1985, pp. 35–47, (in Russian).
- Kaverzneva, E.D., Kharakteristika kul'turnogo sloia poseleniia Sungir' s uchetom merzlotnykh deformatsii (raskop II) [Characteristics of the Cultural Layer of Sungir Settlement, Taking into Account Permafrost Deformations (Excavation II)], *Rossiiskaia arkheologiya*, 2004, no. 3, pp. 5–19, (in Russian).
- Lavrushin, Iu.A., Spiridonova, E.A., Geologo-paleoekologicheskie sobytiia i obstanovki pozdnego pleistotsena v raione pozdnepaleoliticheskogo poseleniia Sungir' [Geological and Paleocological Events and Conditions of the Late Pleistocene in the Area of the Late Paleolithic Settlement of Sungir], in: *Pozdnepaleoliticheskoe poselenie Sungir' (Pogrebeniia i okruzhaiushchaia sreda)*, Moscow: Nauchnyi mir Publ., 1998, pp. 189–218, (in Russian).
- Lavrushin, Iu.A., Sulerzhitskii, L.D., Spiridonova, E.A., Vozrast arkheologicheskogo pamiatnika Sungir' i osobennosti prirodnoi sredy vremeni obitaniia pervobytnogo cheloveka [Age of the Archaeological Monument of Sungir and Peculiarities of the Natural Environment of the Time of Primitive Man's Habitation], in: *Homo sungirensis. Verkhnepaleoliticheskii chelovek: ekologicheskie i evoliutsionnye aspekty issledovaniia*, Moscow: Nauchnyi mir Publ., 2000, pp. 35–42, (in Russian).

- Seleznev, A.B., *Stoianka Sungir'. Voprosy organizatsii zhilogo prostranstva* [Sungir Site. Questions of Organization of Living Space], Moscow: Taus Publ., 2008, 80 p., (in Russian).
- Soldatova, T.E., Planigraficheskoe issledovanie kostianoi industrii verkhnepaleoliticheskoi stoianki Sungir' [Planographic Study of the Bone Industry of the Upper Paleolithic Site of Sungir], *Rossiiskaia arkheologiya*, 2012, no. 2, pp. 52–59, (in Russian).
- Soldatova, T.E., Izdeliia iz kosti s verkhnepaleoliticheskoi stoianki Sungir' [Bone Products from the Upper Paleolithic Site of Sungir], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 385, pp. 122–125, (in Russian).
- Soldatova, T., Spatial Distribution and Problems in the Interpretation of Radiocarbon Dates of the Sungir Site, Russia, *Radiocarbon*, 2019, vol. 61, no. 4, pp. e1–e15.
- Vasil'ev, S.V., Buzhilova, A.P., Gavrilov, K.N., Giria, E.Iu., Korost, D.V., Kudaev, A.A. Dokazatel'naia interpretatsiia sledov povrezhdenii, obnaruzhennykh na lobnoi kosti cherepa muzhchiny iz pogrebeniia Sungir' 1 [Evidentiary interpretation of the traces of injuries found on the frontal bone of the man's skull from Sungir 1 burial], *Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii*, 2021, vol. 265, pp. 7–26, (in Russian).